

(Завтра десятилетие смерти моего наставника и друга отца Михаила Капранова. Много можно было бы сказать сверх того, что сказано в этой шестилетней давности статье. Но, думаю, о главном, чем мы был примером и чем был мне дорог отец Михаил, я тогда всё-таки сказал.) 4 декабря 2017 г. священник Георгий Титов

5 декабря исполняется четыре года со дня упокоения известного и ценимого по многим городам и весям России, но в особенности дорогого барнаульцам, протоиерея Михаила Капранова. Как человек великого интеллекта и разносторонних дарований, он известен и дорог знавшим его людям каждому по-своему. Конечно же, главное что приводило в единство всю его деятельность и все его таланты, был талант и подвиг священства, на ниве которого все остальные расцвели особенными неподобными их проявлениям в миру оттенками. Кто-то помнит его как блестящего, непревзойдённого почти никем из священства церковного витию, кто-то как организатора духовного образования и столь же блестящего и непревзойдённого преподавателя высшей школы. Нельзя не упомянуть о нём и как о человеке, впервые поднявшем в нашем городе знамя монархической идеи и не устававшего раскрывать её во всей привлекательности её для христианского сердца. Трудно перечислить даже все сферы, где проявился и дал плоды его могучий дух.

Нам же хотелось бы обратить внимание на сторону его натуры, раскрывающего, по нашему мнению, главный его талант, талант совершенно особого рода – талант нравственный. Для иллюстрации приведём отрывок из статьи саратовского учёного Натальи Герасимовой о профессорах и студентах крупных волжских городов, которая называется «Устная история». Горьковский университет, как известно, альма-матер о.

Михаила. Она, среди прочего, рассказывает о свободомыслящих профессорах историко-филологического факультета Горьковского университета и созданном ими там особом духовном климате:

«Разумеется, никто из преподавателей не «руководил» студенческим правозащитным движением, возникшим в Горьковском университете в 1960-е гг., но в созданной ими атмосфере оно просто не могло не зародиться. Одной из главных фигур его стал Михаил Капранов, который в 1963 г., будучи студентом первого курса истфака, «сформировал» новое правительство из таких же студентов-свободолюбцев, и на демонстрации 7 ноября они выбросили лозунг о свержении правительства Хрущева и о создании их правительства. Программа — расширение демократии, выдвижение на выборах хотя бы двух кандидатов на одно место — «как в Венгрии». Новых «министров» исключили из университета и отправили на завод — «перевариваться в рабочем котле», — однако вскоре, по решению того же КГБ, в университете они были восстановлены.

Михаил Капранов пошел специализироваться в спецсеминар к В.В.Пугачеву, но одновременно с этим занимался созданием новой политической партии. В КГБ узнали об этом из перехваченного его письма, в котором он излагал программу партии. Капранов был исключен вторично, буквально за считанные недели до защиты дипломной работы. Но этим дело не кончилось. Весной 1968 г. на зданиях университета, отмечавшего свое 50-летие, появились листовки, призывающие к солидарности с «Пражской весной». Только через год, после многих обысков и допросов, КГБ удалось доказать авторство Капранова. Михаил Сергеевич Капранов был осужден на семь лет лагерей строгого режима. В лагере он стал глубоко верующим человеком и, выйдя на свободу, полностью посвятил себя служению Церкви. Сейчас он священник в Барнауле.

Путь М.С.Капранова в какой-то мере типичен для его поколения. В августе 1991 г. мне довелось присутствовать при совместном интервью корреспонденту газеты «Саратов» отца Михаила (Капранова), бывшего проездом в нашем городе, и двух его друзей, с которыми судьба свела его в лагере, — саратовцев Александра Ивановича Романова и Валентина Ивановича Кирикова, входивших в конце 1960-х гг. в «Группу Революционного Коммунизма». ...

В лагере, столкнувшись с политзаключенными, иные из которых сидели еще со сталинских времен, многое перечитав и передумав, А.И.Романов и В.И.Кириков разочаровались в марксизме и пришли к православной вере. Их, как и отца Михаила, привели к этому стремление найти незыблемую правду и любовь к человеку. Система отрицала самоценность человека. Правдоискатели 1960-х гг. пытались противопоставить ей «неискаженный» коммунизм, но, поняв его подлинную сущность, обратились к действительно незыблемым основам нравственности.

Отрывок из этого совместного интервью был опубликован в газете «Саратов» 20 августа 1991 г., в самый трудный день путча, вместе с текстом знаменитого Указа Президента России. Полностью беседу этих трех людей, кроме меня и корреспондента, никто не слышал. И мне подумалось тогда, что такие живые свидетельства необходимо сохранять не только для полноты картины прошлого, но и для поддержания должного нравственного «градуса» в обществе в наше время.

Живые воспоминания непосредственных участников событий ценны еще и тем, что они помогают избавиться от упрощенного восприятия прошлого, подгоняемого под одну схему: противостояние власти и общественности, КГБ и правдолюбцев. Психология людей, по этой схеме, укладывается только в два ампула — злодея или героя. А ведь с обеих сторон были люди сложные. Первый секретарь Горьковского обкома КПСС в 1960-е гг. К.Ф.Катушев, впоследствии секретарь ЦК КПСС по «странам народной демократии», — один из главных инициаторов ввода советских войск в Чехословакию. Казалось бы, фигура однозначная. Но в «деле Капранова» он повел себя неожиданно. В

1967 г., после вторичного исключения из университета, Михаил Сергеевич записался на прием к Катушеву. Разговор был любопытный. Катушев сидел рядом со своим помощником.

— Это ваш охранник? – спросил Капранов. – Он боится, что я вас убью?

— Нет, это мой помощник.

Капранов изложил Катушеву свою программу. Тот сказал:

— Вот я старше тебя. Мне в твои годы не на что было купить брюки, я ходил грузить. У тебя брюки есть, тебе делать нечего, ты занимаешься болтовней.

Но после этого визита последовал звонок Катушева ректору университета И.А.Коршунову, смысл которого был: восстанавливать Капранова сейчас, конечно, неудобно, но парень он с головой, со временем его надо будет восстановить».

Не могу оценить всех фигурантов истории, но об отце Михаиле она говорит однозначно. Свойственным ему смолоду качеством было безстрашие в отстаивании своих убеждений, своего credo. И пусть эта правда, которую отстаивал тогда молодой студент Миша Капранов перед сильными мира сего была неполна и недостаточна. Впоследствии это безстрашие сублимируется, как верно указывается в статье, в исповедничество Правды абсолютной, исповедничество Господа нашего Иисуса Христа верность которому он пронесёт по всей своей оставшейся жизни. И в этом, как мне думается, непреходящее значение о. Михаила для каждого знавшего, да и не знавшего его человека. Другие дары, которыми щедро наделил его Господь, не всегда могут служить для многих образцом для подражания. Не каждый из нас оратор, не каждый может так чувствовать и так выразить как он эстетически привлекательные стороны Божьего мира. Но каждый из нас, кто взял на себя имя христианина, должен, невзирая на грозящие ему

•Добавил(a) nikvontit•

опасности нести в мир Правду Божию чего бы ему это не стоило. Так, как делал это отец Михаил.

Как священник РПЦЗ не могу не указать и на то, что впервые познакомиться с трудами отцов РПЦЗ, которые он всегда считал образцовыми и познакомиться с людьми, принадлежащими этой ветви Русского Православия, мне удалось только через него. Очень большие надежды он возлагал, как впрочем, и многие, на воссоединение, надеясь на оздоровление Московской Патриархии посредством нравственного воздействия на неё «зарубежников». Этого, к сожалению, не произошло. Патриархия просто проглотила пошедшую на эту часть Зарубежной Церкви. И оказала на Неё воздействие с обратным знаком. И, как, мне кажется, отец Михаил в конце жизни это понял. Болезнь помешала ему сделать из этого необходимые выводы.

Где бы был он сейчас, на мой взгляд, - вопрос открытый.

Декабрь 2011 г.

иерей Георгий Титов